

**Введение.
Заговор инвокации**

*Жить,
купаться в солнце,
не видя света...*

Настя Полева

...И никто не объяснит, почему все попытки отозваться на запрос досточтимой сургутской редакции журнала «60 параллель» и книги «В масштабах собственной жизни» неминуемо опрокидывали память в первое знакомство с городом Екатеринбургом.

Мы гуляли тогда с женщиной-режиссёром по ночным улицам и перешучивались о том, что на каждого

Ана Глинская,

музеолог,
Москва

**Это небо
для всех,
или Urania
Pandemos**

человека на земле давит атмосферный столб в 760 миллиметров ртутного столба. А также и о том, что в Екатеринбурге атмосферный столб давит на каждого чуть сильнее. И тогдашний проект поставить в екатеринбургском ТЮЗе сказы Бажова ещё не стал той мукой и тем задыханьем, какими станет потом.

А потом — станет. И буду снова дивиться, сколь крепки и хрупки мужчины, не знающие тайн инвокации. Ибо ничего великого без этого тайнознания исполнить невозможно. И поскольку боль моя про это не помещалась в пределы моего сердца, то дала обещание, что необходимые для проекта силы — придут на мой зов. Мой зов для него.

Как потом окажется, это обещание весит так много, что отменить его, повернуть вспять, уже не окажется возможным, сколько бы ни хотелось. Как всё неотменимое, это обещание повлекло за собою неизбежное. И вот уже совсем скоро уральская земля начала явственно призывать к себе меня со всею моею стаей.

Стая, перелётная стая, собиралась раз в год на Открытый музейный форум (а прежде на Сибирские музейные мастерские), путешествуя таким образом по местам силы и вступая с этими силами в непростой сокровенный разговор. «Музейщики и театралы суть тайнодейцы», — скажет однажды мужчина-навигатор. «Вот только встречаться надо чаще», — добавит мужчина-садовник.

В тех точках, которые принимали стаю Открытого музейного форума, проросли потом живые кусты новых смыслов: Владивосток (2002), Улан-Удэ и Байкал (2003), Ясная Поляна (2004), Красноярск (2005) и, с передышкой на 2006, снова Владивосток (2007), станция Вёшенская (2008).

Потом в течение нескольких лет будут качаться незримые веса, всё взвешивая: приземлится ли стае на уральской земле? — 2009... 2010... 2011...

А тогда, во времена прогулки в компании атмосферного столба в качестве третьего-лишнего-неизбежного, тогда сотрудничество с уральскими людьми ещё только начиналось. И были предприняты какие-то встречи. И на одной из них прозвучало: «Над Екатеринбургом нет неба!» Или то прирезилось мне?

Мы потом обсуждали это в сети, и следы обсуждений, которые в сети нашлись, выглядят немного иначе:

«...На Урале доминирует теллурически-хтоническое мифическое пространство (попытки соллярно-фаллических диверсий здесь обречены на провал, что изящно символизирует заброшенный шпиль ельцинской смертоносной телебашни), потому культ Хозяйки Медной Горы (Золотой Бабы и т.д., и т.п.) здесь более чем уместен. Мифопроза Бажова, основанная на прямой преемственности коренным сказителям, хранителям угорских мифов — это гораздо больше, чем архивирование фольклора, это очень живой и мощный поток, способный оживить индивидуальное сознание и привести к его реструктуризации, инициировать внутреннюю Работу. Хтоническая энергетика на Урале просто чудовищна. Все значимые события происходят здесь в пещерах, рудниках, подземельях, подвалах, на андеграундных уровнях, в слоях нижнего мира. «Наверху» в под-солнечном пространстве здесь ничего особо примечательного нет...».

А я всё не решаюсь принять этот зов этого города. И откуда работаю с людьми. И вот вижу: уральские женщины не плачут. В первый мой приезд, два года назад, была совершенно ошеломлена — насколько не плачут и насколько, кажется, вообще не чувствуют. Какими бы ни были трудными работы — непроницаемое лицо, неподвижное тело, скупая слеза. Метафора «каменное сердце» оказалась реальностью.

Потом были другие группы и другие встречи. Картинка мягчела, острота ощущения стёрлась. И вот ровно через два года со времени начала, снова: «И она не пожалее, не простит, твоё сердце разобьётся о гранит». Мы работаем три дня. Всем телом слышу — подавленный крик, заглушенный вой раненых волчиц, подземные океаны слёз.

Ночью после группы начинается дождь. Он идёт всю ночь. И весь день. Кто тут плачет, так нескончаемо плачет, за всех этих женщин, таких сильных? Утром киваю на окно: дождь наконец-то плачет! Слышу в ответ: дождь — это полезно, он смывает пыль, трава начнёт расти. Ну да, ну да...

Вспоминаю из переписки: дождь как небесная вода, как вода с неба. И ответ о промокших от дождя девочках. Понимаю: там, где нет неба, мне остаётся только задыхаться. Однажды и задохнусь. Мне вернут дыхание — мужчина-шаман и женщина-шаман. Некоторым душам практически не оставляют выбора — скажет потом женщина-проводник.

·
·
·

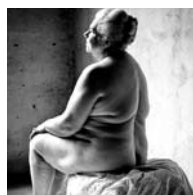
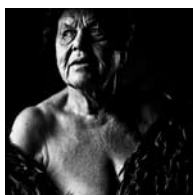
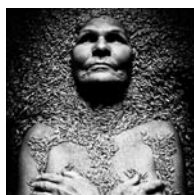
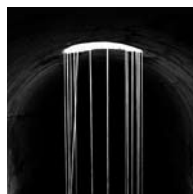
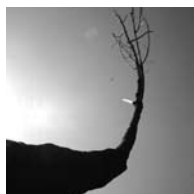
Часть первая.

Из подземелья в небо: земля пересадочная

*Я просыпалась, плавно прозревая...
Луна плыла в задымленном окне.
«Земля товарная» и «далеко до рая», —
шептал в висок мне кто-то, напевая:
«И больше нам не стыть в её огне».*

Елена Шварц

Но что же земля, мать-земля и колыбель-земля? И, как всегда, исправно отвечая на заданные вопросы, всемирная сеть приносит улов к утреннему кофе: норвежский фотопроект. Несколько фотографий — и десятки, если не сотни, страниц взбудораженных откликов. О, эти вызовы земли!

Что может быть более земного, чем обнажённая женщина? И вот норвежская дева-фотограф приглашает женщин к проекту календаря на 2012 год. Это женщины из небольшого норвежского селенья. Возраст женщин — от 50 до 80 лет.

Всемирная сеть негодует: вспенивается дискуссия о том, насколько эти тела пригодны на потребу земным нуждам. Но что-то ещё важное тут есть, кроме панического массового страха перед собственной старостью и грядущей (или нынешней?) ненужностью. Что-то ещё важное, очень важное. Ибо в дискуссии этой — подозрительно много энергии.

А вот те немногие голоса, которые называют явление верным именем. Голоса говорят: богини. Говорят: аватары Великой Матери. Этих голосов очень мало. И они знают, о чём они говорят. С каждого кадра на нас смотрит не-человеческая, сверх-человеческая мощь — именно теперь, когда юное очарованьице уже не отвлекает от существа дела: женщина-земля, женщина-море, женщина-ветер, дикий ветер, женщина-свет, яркий свет...

И дева-фотограф, которую я запомнила коленопреклонённой перед одной из своих моделей. О нет, она просто присела, поправляя посадку модели. Однако

посмотрите на её позу и выражение лица. Из кадра ясно видно, что её фотосерия — не случайный дар высших сил, но точно выверенный замысел. А из всей серии видно, что человеческое достоинство — не земной природы явление, но небесной.

Вот ещё из недавно опубликованного: видеозапись мистерии, «живой картины». Люди, десятки людей разного возраста, пола, расы, в одеждах и без одежд, бодрствующие и сонные, на ступенях огромного амфитеатра. Музыка трогает их, пробуждает, медленно движет, соединяет в огромное живое целое во встречных потоках: света, проливающегося сверху, и голосов, возносящихся вверх.

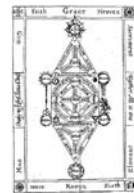
Откликов на этот проект во всемирной сети поменьше, поскольку не так широк круг адресатов. Это ведь не календарь на год — повесить на стену,

отмерять время. Это искусство, и обсуждают его люди искусства и около. Но дискуссия примерно такая же. И, перечитывая её, уже совсем ясно читаю: люди видят так, как настроена их оптика. Есть те, чья оптика считывает только земное — и зрелища их незавидны.

А потом приходит женщина-целитель, и мы говорим о фильмах, где запечатлены акты любви. Она спрашивает: как ты различаешь, в которых из них присутствует небо? Я не в силах этого рассказать. Что именно я вижу, слышу, чую, как различаю? Ответа нет. Но различение безошибочно.

И после паузы: впрочем, ответ есть. Там, где есть небо, — я могу дышать.

·
·
·

Часть вторая. Подорожницы огня и жара

*Вижу тебя
на вершинах гор
в ладонях неба.*

Ирина Богушевская

А назавтра собрала дев и жён на куклу Подорожницу. Сама думала юбку пособирать, приглядывая за ними. И взяла уже юбку в руки-то! И нитку в иголку вдела! И уже все начали крутить своих кукол — а я вспоминаю мужчину-советника. Ему, вроде, не помешала бы Подорожница в подарок. Юбка, конечно, перевешивает! Мне уж давно пора закончить эту юбку!.. Ну, хорошо. Сделаю. В подарок. И вот начинается.

Начинаются странные ткани. На подъюбник. На платье цвета ночи в белых цветах-звездах. Как-то не звучат они к тому человеку, кому подарок

**Это небо
для всех,
или Urania
Pandemos**

замышлялся. Если выбирать головой — то поменять! И взявши ткани на фартучек и котомку — бирюзовый и фиолетовый лоскутки — уже начинаю догадываться.

Потом мне не нравится очелье, но всё уже скручено, и я просто повязываю новое очелье поверх старого, — но почему такие длинные косые концы отрезаю ему? А вот почему! Сзади они проявляются как маленькие огненные крылья!

— Анафора, Само-лётница! — восклицают девы и жёны. Ну да. Конечно. Какие уж тут подарки. Это новая Подорожница для меня. Подорожница Пути. Огня и жара как верности Пути. И свои маленькие огненные крылья она лукаво прячет в нежнейший батистовый платок с огромною розою.

И вижу напротив через стол, как у другой Подорожницы, что одета в огромную малиновую юбку мамы-курицы, в руках вместо котомки — огонь, жар! «Как в дорогу брали с собой горшок с угольями», — скажет на пороге богатая детьми натальная Наташа.

И рассказываю напоследок девам и жёнам про кисет бережный для Подорожницы, и показываю лицо и изнанку, шнуры и бусины, и бережный шов, для которого, взявши нитку в игле, взмахиваю ей над свечой, и на кончике нити вдруг пляшет маленькое пламя!

Подорожницы Пути.
Подорожницы огня и жара как верности Пути.

***

«Ты птица, ты летаешь высоко», — любил говаривать мужчина-искусствовед, мужчина, ведающий устройства искусств. — Будь осторожна, если тебе, раненой, придётся ненадолго приземлиться».

И надо ли добавлять, что днём перед Подорожницами переживала удар под дых, и пережила, и сильно ощутила Путь под ногами? И маленькие огненные крылья, укрытые в облаке батиста цвета нежнейших роз. Острые, алые.

Часть третья. Тоска по небу: Географ и его Гом Джаббар

*Гом Джаббар убивает только животное.
Фрэнк Херберт. Дюна*

«Главный российский писатель современности — уральский человек Алексей Иванов», — так сказал мужчина-архитектор. — Прочти обязательно его книгу «Географ глобус пропил». Абсолютно мужская книга! Прочти скорее!»

«Но для чего мне читать мужские книги?» — подумала женщина-медиатор и постучалась с этой вестью в двери мужчины-режиссёра. «Вот главный российский писатель современности и вот его главная книга, абсолютно мужская книга! Прочти скорее! Может, из этого выйдет спектакль?»

И то ли вестница говорила на непонятном языке, то ли слух режиссёра был заморочен не тем, но тогда и сразу оно не произошло, а произошло позднее. Так что лишь двумя годами позже узнаю, что спектаклю — быть! В омском Пятом театре.

В промежутке мы успеваем съездить на реку Чусовую и постоять там под небом между скал, замышляя в тех местах провести наше любимое событие и обсуждая его режиссуру. И словно бы ещё не знаем, что ранее того выйдут на сцену участники сплава по Чусовой.

А потом становлюсь свидетелем всего процесса работы над спектаклем в течение 2010 года — с самого начала года и до самого его излёта. И читаю книгу, и листаю все версии сценария, и вот смотрю премьеру.

Там долгий, едва не на два часа аттракцион. Шашни, драйв, игра, свои и чужие гэги, такое и другое веселье. Потом антракт. После антракта — снова, неумоимо, долго-долго... А потом вдруг — подарок. Поход. Сплав по Чусовой. Тесное пространство электричек, кухонь и спален — распаивается по горизонтали, открывая реку и берега.

И так заводятся артисты от того, что они делают — с пол-оборота! И даже на сдаче спектакля пожарной инспекции — начинают в полноги и снова заводятся с пол-оборота! И снова. И ещё. На каждом спектакле.

Но время идёт. Спектакль начинает терять энергию. Стареть. И вот уже почти умирает. И чем меньше становится свежести и драйва, тем яснее и яснее что-то важное.

И вот смотрю. Много раз. И всё думаю: что не так? Чего мне здесь не хватает? Или что лишнее? Почему я раз за разом пристально смотрю в это? Что ищу? Чего не нахожу?

Ответ приходит с обрывком детского воспоминания. Школьный учебник (какой? — не помню...). И в нём репродукция с картины «Всюду жизнь». На картине арестантский вагон на полустанке. Окно с решёткой, почти на уровне земли. Мать с ребёнком, и он тянет руку за окно. Там что-то снаружи. Птицы...

Всюду жизнь. Там, за тюремной решёткой — эти люди живут. И тоже чему-то радуются. И тянут руки сквозь решётку к цветам и птицам, присевшим поклевать зёрен.

Это небо для всех, или Urania Pandemos

Когда в спектакле начинается поход по Чусовой, сразу дышится полегче. Там больше нет взрослых с их бесконечными играми в жанре бытового анекдота. Там есть подростки, у которых всё это ещё впереди. Люська, которая вырастет в Ветку. Маша, которая вырастет в Угрозу. А дома осталась дочка Татка, из которой будет новая Надя. И легко представимы девочки, из которых получится отличная Кира, Сашенька, и кто там есть ещё. Женщины в романе и спектакле — полновесная коллекция способов отвергнуть мужчину.

С подростками их учитель, который, стоически выдерживая женское отвержение, несёт свой крест невозможного мужского. И за ним просвечивает целый мир мужчин, отвергнутых тем или иным способом. Восторженные девочки — они ведь тоже отвергнут, едва подрастут. Изогрённо, изобретательно, даже, казалось бы, принимая — отвергнут. Потом-потом, в зияющей перспективе, сердца этих мужчин будут порваны в клочья инфарктами. Некоторым сердце заново соберут на шунты. У иных же не станет ни сердце, ни тел.

А откуда можно вдыхать полной грудью воздух уральской тайги, чтобы с новыми силами вернуться в электрички, кухни и спальни. Потому что всюду жизнь, да. Живите долго, дорогие дети. Тяните руки сквозь решётку. Всюду жизнь.

И странное неуловимое сходство с театром, казалось бы, совершенно иного свойства. Вербатим. Театр.doc. Документальный, документирующий ползучую реальность в её убийственных подробностях.

А нынче из него пророс другой проект — «Человек.doc». Есть какая-то парадоксальная ирония бытия в том, что прежний вербатим называют вертикальным, а нынешний горизонтальным. А ведь в действительности — это ровно наоборот. Вербатим целиком и полностью был детищем срединного мира, социальности, цивилизации, праха. В проект «Человек.doc» вошли живые люди — герои, играющие самих себя. Каждый принёс на сцену и свою землю, и своё подполье, и своё небо. На сцене зазвенела вертикаль.

Человек.doc — слушаю я, — человек, вертикальный человек... И в памяти вспыхивает образ человека в народном костюме: чёрные штаны, белая рубаха, красный пояс. Чёрная земля, белое небо, и человек с красной живой кровью между ними. Существо человеческого, соединяющее собою землю и небо.

А ещё вспоминаю давний авторский текст режиссёра «Географа». Он назывался «Небо над Москвой» и был собранием малых и трепетных наблюдений московской повседневности. Сентиментально-нежный взгляд наблюдателя как будто фиксирует фото-кадры лиц и тел в московских улицах и переулках. Отчего-то важно, что есть три фотографии мамы и ни одного снимка отца. И, вспомнив этот текст, берусь его перечитывать в поисках неба. Улицы и переулки, дома и стены, люди и люди... И — тоска по небу.

И вопрошаю: что же было с нею, с этой тоской, когда мы с женщиной-режиссёром делали наш общий и нежно любимый проект — «Вниз и вверх» — про колодцы в небо, на острове Русском, во Владивостоке?

И, наконец, осознаю, чего раз за разом выискиваю в «Географе». И вроде чувю, что есть. И выслеживаю. И нахожу, когда спектакль уже при смерти, и драйв ослабел, и игрушечные артисты уже почти не отвлекают меня от этого расследования. Вот он! Момент, где появляется небо.

Небо в «Географе» появляется ровно один раз. Нет, вовсе не в походе. Где — не скажу. Посмотрите и увидите. И расскажете.

Гом Джаббар убивает только животное. И потом можно увидеть, есть ли тут — кто-то ещё.

·
·
·

**Часть четвёртая.
Эоннагата нет**

*И мне не страшно предавать словам
то чувство, что до горечи знакомо.
И я одной ногой гуляю там,
гуляя здесь, и, знаешь, там я — дома.*

Борис Рыжий

И думаю про театр, и перелистываю любимые тексты: Арто, Гротовский, Брук. Но ведь это уже слегка архив? А что — не архив? И не то чтобы эксперименты и лаборатории, а просто — так, как должно быть? И вспоминаю, как летом волшебная женщина-продюсер доставила меня на спектакль Робера Лепаж. И вот это, кажется, оно и есть!

**Это небо
для всех,
или Urania
Pandemos**

Лепаж затейливо играет в будто бы незатейливую игру. Рассказывает историю некоего шевалье / мадемуазель, который по приказу Людовика то шпионил в женском облике, в России и Англии, то решительно сражался — в мужском, всё та же прекрасная Наташа, и в другом гендере — был убедителен и прекрасен. Шевалье д'Эонн, подобно «оннагата» в японском театре, исполняющий женскую роль = эОННагата.

В спектакле три актёра: первая балерина мира француженка Сильви Гиллем исполняет роль молодой женской ипостаси героя; её партнёр канадец Рассел Малифант — роль молодой мужской ипостаси героя; сам Робер Лепаж — роль состарившегося и умирающего в нищете героя. Костюмы делал всемирно известный модельер Александр Мак-Куин.

История шевалье рассказана скоренько вначале. И комментируется в титрах (трудночитаемых). Их мне по окончании спектакля перескажет женщина-продюсер, всё та же прекрасная Наташа, без которой не видать бы мне этого спектакля. Сама же я, в силу слабого зрения, титров не видела вовсе, а видела только поэтику собственно театрального зрелища, и она — совсем о другом.

В самом начале в титры вмешивается то, что воспринимается едва ли не как опечатка:

...некогда были три пола людей,
мужчины,
женщины
и лунные люди

у лунных было
четыре ноги, четыре руки,
две головы, два сердца

и они были
так невероятно сильны,
слишком сильны,
что Зевс разрубил их пополам

с тех пор половины
мучительно ищут друг друга

но даже если найдут
соединиться им не дано...

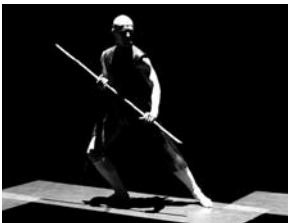

И это самая первая сцена спектакля: человек с саблей машет этой саблей, и каждый взмах взрывается молнией света и ударом грома.

И это последняя сцена спектакля: старый и дряхлый герой ложится на прозекторский стол в анатомичке, над ним спускается скудная лампа, он умирает. Справа и слева к нему подходят те двое, которые исполняли роли молодого героя, молодых его ипостасей, мужской и женской. Лампа в анатомичке начинает раскачиваться, ещё сильнее раскачиваться, и этот качающийся луч света расшвыривает пару — по разные стороны кулис! Гром и молния! Тьма...

То, что в промежутке между первой и последней сценой — перипетии истории шевалье. Титры вкратце её конспектируют, и фрагмент о лунных людях, кажется, пригрезился нам? О них более не будет сказано ни слова.

И тут, кажется, есть намёк на творческий принцип этого прекрасного лукавого француза. Если это можно назвать принципом, а не образом жизни? Он стучит мощную энергию земли. И равноценно мощную энергию неба. И между ними встаёт гудящий энергетический столб! От земли — и до неба...

И что же это, если не заговор инвокации?

·
·
·
**Вместо заключения.
...и семь посохов,
и семь железных хлебов...**

*Если существовало нечто,
что отличало айю,
которые пришли в Мир,
от тех, которые навсегда
остались во Вне-мире,
то это была неуёмная жажда роста,
желание быть частью
чего-то большого и прекрасного, принадлежать.*

Орсон Скотт Кард. Сага об Эндере

И вот так, фиксируя инсайты и всполохи чувств, проводя женскую горизонталь (...слева — центр — направо...) и перекрещивая её мужской

**Это небо
для всех,
или Urania
Pandemos**

вертикалью (...сверху — центр — вниз...), всё думаю: верно ли, что стае давно уж пора приземлиться на Урале?

А куда работаю со здешними людьми, с их семейными историями и личными мифами, с их тяжёлыми травмами и крылатыми мечтами. И читаю свидетельства других наблюдателей, и они о том же: «На Урале у людей очень сильные страсти, но они их загоняют вглубь, держат в себе». Стоит ли удивляться, что самый известный здешний театр, от начала и до конца — про тёмные энергии человеческого. Много, очень много энергии в подвалах души!

И работаю с прекрасным музеем истории Екатеринбурга. Слышу подробный рассказ о том, что посетители входят в «другой мир» музея через его подземную часть. И вижу эту подземную часть, осознанную и обустроенную. А на следующих этажах — музей как музей, об архетипической вертикали уже никто не вспоминает. Как будто в мифологическом пространстве музея подземелье есть, а среднего и верхнего мира нет. Очень много энергии в подземелье города.

И читаю историю места. И снова: самые энергетически насыщенные события происходят в подвалах, подземельях, пещерах. И разглядываю астрологическую карту города: как прописана его судьба в небесах, по звездам?

Верно ли это, правда ли это, что Екатеринбург есть хтонический город без неба? Не потому ли не слышно неба, но всемерно ошутимо давление атмосферного столба? И что делают тогда для города его музыканты, поэты и художники — Наутилус и Настя, и поэт Борис Рыжий, и художник Букашкин, и другие, кто ещё не стали всемирно известны?..

И вижу, как критикуют Уральскую биеннале, за то, что она недостаточно хороша. Возможно, что и так. Но лучше смотреть на главное: биеннале собирает энергию на поверхности земли. И делает это очень вовремя.

Ведь если по отношению к Екатеринбургу может существовать культурно-политическая миссия, то она в том, чтобы вернуть городу небо. Прочно стоя на земле, полностью ощущая ступнями мощь здешних подземелий — наполнять в воздухе смыслов городские лёгкие, проращивать кусты и деревья смыслов, вверх, к небу. И здесь не обойтись без главных тайнодейцев здешней земли, без тех, кто хранит древние свидетельства полноты её былого могущества.

Тут вспоминаю, где видела самую впечатляющую городскую вертикаль. В краеведческом музее, в его археологическом отделе. Это Шигирский идол, самая древняя деревянная скульптура в мире, ей без малого десять тысяч лет. И это ещё не всё! Здесь живут прекрасные птицы, которые взлетали к солнцу и приносили его жар в уральские кузни! — рассказывает женщина-хранитель. Индустриальный город, храните? Ну-ну...

А вот если бы собрать вместе всех птиц этих мест? — пишет женщина-сновидящая, — Екатеринбург, Тюмень, Сургут, Пермь, Томск — они все такие разные и все про одно!.. И прийти к отцу! — пишет женщина-летописец, — Ибо отца небесного разыщет тот, кто изначально лишён отца земного.

...и-раз, и-два, и-три — горизонталь...
...и-раз, и-два, и-три — вертикаль...

...что в центре,
в его золотой крошечной сердёжке?..

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение. Заговор инвокации

Открытый музейный форум — путешествующее событие Ассоциации «Открытый музей», куратор Ана Глинская (с 2002 года).

Сибирские музейные мастерские — путешествующее событие Ассоциации «Открытый музей», куратор Ана Глинская (с 1996 года).

Журнал «Открытый музей», 1996 — 2005, главный редактор Ана Глинская, с 2000 по 2003 годы соредатор Марина Авдеева.

Собрат(ь) Урал — <http://sobrat-ural.livejournal.com/719.html#cutid2>.

Этифанию Урала — <http://vk.com/club9230922>.

Часть первая.

Из подземелья в небо: земля пересадочная

Норвежский фотопроект:
<http://www.bygdekvinnelaget.no/lag/vestfold/kalenderen-klar-for-salg>,
<http://drugoi.livejournal.com/3647418.html>,
<http://garrido-a.livejournal.com/478541.html>,
<http://tjorn.livejournal.com/719220.html#comments>.

Видеомистерия, «живая картина»
Сары Смолл: <http://vimeo.com/27949634>,
http://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=244949712209156&id=100000198460260,
<http://girshon.livejournal.com/522474.html>.

Часть вторая.

Подорожницы огня и жара

Кукла Подорожница — традиционная славянская кукла, оберегающая путника в дороге.

Часть третья.

Тоска по небу: Географ и его Гом Джаббар

«Географ глобус пропил», 2010 — спектакль по роману Алексея Иванова, сценарий и режиссура Максима Кальсына.

«Вниз и вверх» — ландшафтный проект, Ана Глинская, совместно с Максимом Кальсыным, 2007; проект из серии «Чёрное, красное, белое» (Ана Глинская, с 2003).
<http://picasaweb.google.com/maks.and.anah/VJtoG>

Часть четвёртая.

Зоннагата нет

Робер Лепаж — <http://www.mk.ru/culture/interview/2011/06/13/596954-rober-lepazh-muzhskoy-i-zhenskij-rod-co-mne-mirno-suschestvuyut.html>.

Вместо заключения.

...и семь посохов, и семь железных хлебов...

Музей истории Екатеринбурга — <http://www.m-i-e.ru/omuzee/zdanie>.

Уральская биеннале современного искусства — <http://www.ncca.ru/events/text?filial=5&id=616>.

Шигирский идол — http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%BB.